

ОЛДГА

ВОЛОДАРСКАЯ

НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

Я ЗНАЮ, КТО
МЕНЯ УБИЛ

Ольга Геннадьевна Володарская
Я знаю, кто меня убил
Серия «Никаких запретных тем.
Остросюжетная проза О. Володарской»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68451937

*Я знаю, кто меня убил:
ISBN 978-5-04-177150-8*

Аннотация

Родителей Паши Субботина убили, когда ему было девять. Их заказали партнеры по бизнесу и присвоили все, что принадлежало семье. Мальчика отправили в детдом, однако спустя два года его забрал к себе брат деда, Эрнест Субботин. Этот гениальный, но очень странный человек жил только любимой наукой – химией. И когда умница Паша не пошел по его стопам, обиделся...

Парень вернулся в Москву, поступил в институт, нашел жилье, влюбился. Он не виделся с Эрнестом пять лет и даже не созванивался с ним. Но однажды в его квартире как из ниоткуда возник человек и сообщил о том, что Паша – будущий наследник. И кого? Чокнутого профессора! Достанется ему не только запущенная квартира и разваливающаяся дача, а нечто настолько ценное, что ради этого могут убить...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	52
Глава 6	60
Глава 7	69
Часть вторая	77
Глава 1	78
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Ольга Володарская

Я знаю, кто меня убил

*Все персонажи этой книги вымышлены. Любые
совпадения случайны.*

© Володарская О., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть первая

Глава 1

Они познакомились три года назад в клубе-ресторане «Догма». Модное место, ориентированное на молодежь. Золотую и ту, что поднялась из низов: тик-токеров, вайнеров, геймеров, стримеров. Паша работал в нем сначала официантом, затем барменом, Анна же была завсегдатаем. Заходила не реже двух раз в неделю. Любила фирменные безалкогольные коктейли, блюда молекулярной кухни и приглушенную музыку. Едва включался в работу диджей и начинался танцевальный движ, она покидала заведение. Держалась особняком. Бывало, приходила с компанией, но редко. И те, кто составлял ее Ане, больше в «Догме» не появлялись, а она неизменно возвращалась.

Девушка отличалась от других, поэтому Паша Субботин и обратил на нее внимание. Приятная, милая, интеллигентная, дорого, но не модно одетая, она не примыкала ни к одному из кланов. Золотые детки держались вместе, как и «позолоченные». Иногда пересекались, но не сближались. Они были из разных миров. Отпрыски миллионеров, чиновников, богемы с юных лет занимались с репетиторами, изучали языки, путешествовали, и обретшие славу благодаря интернету

пацаны и девчонки казались им тупыми, ограниченными... Колхозниками! Колхозники, в свою очередь, не любили мажоров. Легко быть крутым, когда ты родился с золотой ложкой в зубах. А ты попробуй выбраться из грязи в князи! Купить «Майбах» на свои, а не папины денежки. Что, кишка тонка?

Такие перепалки случались между завсегдатаями. Мажоры в словесных баталиях побеждали. У них и словарный запас больше был, и опыт унижения тех, кто ниже по статусу. Однако колхозники одолели бы их в драке, но потасовки пресекались охраной. Тоже молодыми ребятами из спортивной среды. За Анной ухаживал один, Мага, красавец, боец смешанных единоборств, обладатель пояса какой-то не самой крутой лиги, но и ему было всего двадцать. А девушка предпочла ему худого очкарика... Пашу!

Он работал с семнадцати лет. Как окончил школу, так и устроился официантом. Не в такое крутое заведение, как «Догма», а в обычную закусочную, и все же смог там неплохо зарабатывать. А все потому, что вкалывал по двенадцать часов. Кроме этого еще и учился на очном, чтобы в армию не идти. Ума Паша был блестящего, памятью обладал феноменальной, так что сессии сдавал легко. Педагоги прочили парню большое будущее, уговаривали пойти в аспирантуру, посвятить себя науке, но тот хоть и не знал, кем собирается стать, но в одном был уверен – только не ученым.

Родители Паши погибли, когда ему было девять. Маль-

чика отправили в детдом, откуда его забрал через два года единственный родственник, двоюродный дед Эрнест Глебович Субботин. Жил он в некогда засекреченном городе на Волге, туда еще академика Сахарова сослали. Работал в НИИ заведующим лабораторией. Был невероятно умен и чудаковат. Деда своего Александра Паша не знал, тот умер до его рождения от рака, но, как говорил Эрнест Глебович, был просто гением. Однако отказался от научной карьеры и на заре перестройки занялся бизнесом. В нем преуспел и оставил приличное наследство. Сын его, Пашин отец, его еще приумножил. Они жили не просто хорошо, роскошно. Из-за денег родителей и убили. Бизнес Субботиных отжали, как и недвижимость, а девятилетний Павлик остался бедным сироткой.

Барчук попал в детдом. И мог бы там пропасть, но сумел сориентироваться. Паша быстро научился выживать, сведя дружбу с нужными ребятами. Поэтому, когда мальчику сообщили о том, что его забирает к себе брат деда, он даже не обрадовался.

Эрнест Глебович жил в большой захлавленной квартире в центральном районе города Энска. Невзирая на звание доктора наук, получал скромно. Деньги мало интересовали профессора. Питался он в институтской столовой, годами, если не десятилетиями, носил одну одежду, не имел не только машины, но и телевизора. Единственной роскошью в его доме был компьютер, но Павла к нему не подпускали. Дед выделил

ему самую большую комнату с шикарным балконом, устроил в школу и оставил в покое. Деньги на элементарные нужды он оставлял на холодильнике. Часто забывал, но по требованию выдавал. Иногда приносил Паше пирожки и эклеры из столовой. Но обычно его не замечал. Впрочем, как и многих. Эрнест Глебович был погружен в науку. Внимание на опекаемого родственника обратил, только когда понял, что тот унаследовал дедов ум. Паша в двенадцать решал задачки из высшей математики ради забавы. Ему легко давались физика и экономика, которую начали преподавать в их школе. Не ладилось у парня только с химией, любимой наукой Эрнеста Глебовича. Но двоюродный дед понял, что Павлу просто не повезло с педагогом, и стал заниматься с ним лично. Даже сделал пропуск в свой НИИ (секретность с него сняли), где в его распоряжении была шикарная по советским меркам лаборатория.

Паша и в химии начал разбираться, но она не увлекла его. Поэтому по окончании школы он поступил в московский вуз, где готовили физиков-ядерщиков. Эрнест Глебович на него обиделся, как когда-то на своего брата, ушедшего в бизнес, и перестал с ним общаться. Поэтому Паше никто не помогал. Он вкалывал сначала в закусочной, потом в «Догме», размышлял о том, кем стать по окончании университета, каким образом откосить от армии и... как удержаться рядом с собой прекрасную Анну. Паша мечтал создать с ней семью, но что он мог предложить ей в свои неполные

двадцать три? У него ни кола, ни двора, ни четких перспектив. При хорошем раскладе его, блестящего студента, возьмут в государственную корпорацию, помогут уладить вопрос с армией, возможно, дадут служебную квартиру, но благополучия придется ждать. И не факт, что оно наступит. Ум не гарант радужного будущего, уж в этом Паша, проживший с Эрнестом Глебовичем шесть лет, не сомневался. Но тому не нужна была семья, дети, а младшему Субботину – да.

Анечка была старше его на год. Ей уже исполнилось двадцать четыре. Она получила профессию и работала в рекламном агентстве. Жила в шикарной квартире с папой. Тот воспитывал ее один и познал радость отцовства в зрелом возрасте, когда ему было хорошо за сорок. Он души не чаял в своей девочке, оберегал ее ото всех невзгод, а еще... Считал, что Ани достоин лишь избранный. Поэтому она ему Пашу не представляла.

– Мы три года знакомы, – говорил он ей. – Давно дружим и уже год встречаемся. Мы планируем совместное будущее. Не пора ли тебе представить меня отцу?

– Я боюсь, Павлик, – вздыхала она. – А вдруг ты ему не понравишься?

– Потому что я голодранец?

– Совсем нет. Папа сам из бедной семьи.

– Тогда в чем дело?

– Ты работаешь в клубе.

– И что?

– Папа считает, что там весь персонал бухает, а то и принимает наркотики.

– А те, кто их посещает?..

– Тоже. Поэтому я скрываю от него свои визиты в «Догму».

– И не пьешь алкоголь?

– Да. Но я не трезвенница. В Новый год и в наши дни рождения мы с папой пьем шампанское. И на корпоративах я могу вина пригубить. Он не против. Но, чтобы со мной ничего не случилось, папа забирает меня с банкетов. А как-то я даже водки выпила, когда мы проект сдали! Целую стопку...

– Ты мне зубы не заговаривай. Скажи, когда будешь с отцом знакомить? Мы можем не говорить, где я работаю. Тем более я после защиты диплома уволюсь. Буду себе место искать.

– И сразу после этого я вас познакомлю. Пойми, я не хочу все испортить. Вы оба мне дороги. Я люблю тебя, но и мнение отца мне очень важно.

– А если он будет против меня, кого ты выберешь?

Паша хотел задать этот вопрос, но сдержался. Конечно, отец важнее. Другого не будет. А влюбиться Аня сможет еще раз. Он очень рационально мыслил. Физик все же, не лирик. Хотя его любовь к Ане была нелогичной. Он должен был выбрать другую. Более подходящую ему. Например, Катюшу.

Они вместе учились. Она была ему под стать, то есть мыслила в том же направлении, интересовалась теми же веща-

ми. Умная девочка из простой семьи, она и сессии сдавала, и умудрялась подрабатывать детским аниматором. Была веселой и симпатичной. Жила с мамой в Бутово, красила волосы в разные цвета. На праздниках для малышни показывала не сценки, а различные опыты: могла превратить жидкость в кристалл, а картошку в проводник тока.

Паша не очень разбирался в девушках. Не в природе их поступков, тут инстинкты диктовали условия, и это поддавалось логике, а в эмоциях. Но ему казалось, он Кате нравится. Его же тянуло к Ане. Той, которая ему не по зубам. И не только в финансовом плане. Они встречались год, но ни разу не занимались сексом. Целовались, обнимались, да так пылко, что у обоих тряслись ручки и ножки после того, как они друг от друга отлипали. Однако Аня не позволяла переступать черту. А Катя сразу намекнула, что не прочь. Другой бы спал с доступной, а строил планы на ту, о которой грезит, но Паша был не из таких.

В первые два года учебы он жил в общежитии. Когда устроился в «Догму» и начал хорошо зарабатывать благодаря чаевым, переехал в комнату. Хозяйка квартиры, пожилая бездетная вдова, с мая по конец октября жила на даче, и Паша мог полностью распоряжаться и кухней, и туалетом. Это был большой плюс, потому что он очень уставал от людей в институте и на работе и кайфовал, находясь в одиночестве. В ТОТ день у него был выходной. Редкий и долгожданный. Хозяйка уже уехала, и Паша планировал получить от жизни все. То есть

ходить по квартире голым, жарить куриную печень, от запаха которой бабушку воротило, слушать музыку без наушников и читать труды советских физиков-ядерщиков.

Но когда он зашел в дом, то услышал:

– Паша, не дергайся, пожалуйста. Я не желаю тебе ничего плохого.

– Вы кто? – Он увидел силуэт человека. Тот расположился в кресле в углу его комнаты. На него обычно Паша сбрасывал одежду перед сном.

– Это не важно.

– Как вы в квартиру попали?

– И это тоже...

Был вечер, но за окном еще светило солнце. Однако тот, кто сейчас сидел в кресле, задернул в квартире шторы. Поэтому Паша не видел его лица, оно скрывалось в тени капюшона... И просто в тени.

– Сядь, – скомандовал незнакомец и указал на табурет в прихожей. Между ним и креслом было около пяти метров. Паша послушался. – Я хочу предупредить тебя: остерегайся чужаков. Не сближайся ни с кем посторонним, это может быть опасно.

– Вы меня ни с кем не путаете? Я простой человек. Студент-бюджетник. Сирота. Бедняк, как вы видите по обстановке...

– О, ты далеко не простой человек, – хмыкнул незнакомец. – Только пока не знаешь об этом. Ты, Паша Субботин,

наследник.

– Заводов, газет, пароходов моего отца? Так все это раздербанили между собой его партнеры, прикормленные имидоменты да бандиты.

– Все, да не все.

– Хватит говорить загадками! Можно хоть немного конкретики?

– Пока нет. Но я тебя предупредил. Если смогу, приду еще.

– Вот уж не надо.

– Поверь, я тебе еще пригожусь.

– Вы кто? И не надо вот этого вашего «не важно». Назовитесь хоть как-то...

– Хорошо, – покладисто согласился незнакомец. – Давай я буду Физиком. Считаю меня коллегой. А теперь, будь добр, уйди в туалет и запишись там.

– Это еще зачем?

– Хочу спокойно покинуть квартиру.

– Вы, между прочим, тоже чужак, а их я должен остерегаться!

– Паша, ты же умный парень, сам посуди: желал бы я тебе зла – сюсюкал бы тут с тобой? – Физик оперся руками о подлокотники, давая понять, что намерен вставать. – Иди в туалет. Я проверил щеколду, задвигается с нажимом. Как я услышу тяжелый ляг, уйду.

Спорить было бессмысленно, поэтому Паша сделал как

велели. Когда он закрылся, дверь толкнули, проверили, заперта ли. Затем послышался голос:

– Ты когда своего двоюродного деда в последний раз видел?

– Пять лет назад. Перед отъездом в Москву.

– Советую его навестить.

– Не слишком ли много...?

Грохнула входная дверь, и слово «советов» можно было не договаривать. Паша стал отодвигать задвижку. Но она, как правильно заметил Физик, была тугой. Когда парень справился с ней, покинул туалет и подбежал к окну, незваного гостя и след простыл.

Глава 2

Ах как она любила наряды!

Именно наряды, а не парадно-выходные вещи. Коктейльные и вечерние платья, что были уместны в обществе, Ариадне казались скучными. Ей нравились концертные платья звезд, в стразах, перьях, с трехметровыми шлейфами. Была бы ее воля, носила бы только их. И в пир, и в мир. Но Ари вынуждена была ходить в темной юбке и белой блузке на работе, а вне ее – в джинсах и футболках. Трудилась она в банке кассиром, а свободное время посвящала своей тетушке и ее собакам. Их было три, дворняжка, шпиц и какой-то терьер. Ариадна выгуливала их, а также выполняла все прихоти родственницы. Та обещала оставить ей свою огромную сталинку, и если недополучала внимания со стороны племянницы, то принималась ту шантажировать.

Надо сказать, что Ариадна хоть и хотела заполучить восемьдесят восемь квадратных метров в доме, построенном для партийной элиты в конце тридцатых, но не настолько, чтобы из-за них приносить себя в жертву ненавистному человеку. Тетку же она обожала с детства. Та была ее кумиром. И именно она сформировала в Ариадне вкус. Неуместный для работника банка, но подходящий для актрисы оперетты.

Тетка, Мария Лавинская, ею и была. Но блистала не только в театре. Она и в кино снималась. В трех советских мю-

зиклах, один из которых принес ей оглушительный успех.

Она была родом из славного города Энска. В нем окончила училище, дебютировала на сцене. Звездой оперетты стала там же. А квартиру в элитной сталинке для нее выбил первый муж, председатель горисполкома. С ним Мария через пару лет развелась, а все из-за того, что тот не хотел ее отпускать в Москву сниматься в кино. Побоялся, что уведут. Поскольку для тетки карьера была на первом месте, она с супругом рассталась и отправилась покорять даже не столицу, весь Советский Союз.

Успех Марии Лавинской пришелся на начало восьмидесятых. Она купалась в лучах славы и мужского внимания, думая, что дальше будет еще лучше. Но годы брали свое, ей перевалило за тридцать, и играть в кино юных кокеток она уже не могла, а на возрастные роли сама не соглашалась. И из столичного театра варьете ее вскоре попросили. А там – развал Союза, упадок, безденежье. На рубеже восьмидесятых – девяностых даже суперзвезды советского кино остались не у дел. Кто подавался в челноки, кто за еду и подачки на сходнях у бандитов выступал, кто оставался верным искусству, служил в театрах, спивался, опускался. Мария Лавинская прошла через все. И обувью торговала, и была «крепостной» актрисой при воре в законе Мономахе, и в родном Энском театре давала благотворительные концерты, опрокидывая в антракте несколько стопочек коньяка. На нервной почве потеряла голос. Выступать Мария Лавинская уже не

могла. Но открыла в себе дар преподавания. Стала учить талантливых подростков пению. Ее взяли педагогом в родное училище. До пенсии она в нем работала. На заслуженный отдых ушла в шестьдесят. Могла бы задержаться, но опять попросили.

Ариадна своим экзотическим именем была обязана тетке. Та исполняла партию этой мифологической царевны в каком-то спектакле и хотела так назвать свою дочь, но после четырех абортв и двух выкидышей так и осталась бездетной.

Тетка много времени уделяла Ари, когда та была ребенком. Это было время благотворительных концертов и коньячка в антракте. Мария водила девочку в театр, позволяла смотреть за представлением из-за кулис, хозяйничать в гардеробной, пользоваться гримом. Но больше всего Ариадне нравилось ночевать у тети. Мама работала по сменам, а оставить пяти-семилетнюю дочь было не с кем, только с сестрой. Она первое время беспокоилась, все же Мария богема, любит погулять, выпить, да и мужики у нее чередой, но дочь заверила ее, что все хорошо. Они читают пьесы по ролям, пьют перед сном кефир и укладываются на соседних кроватях. Не знала она, что тетка и племянница договорились не мешать друг другу: Мария, если ей нужно было, уходила кутить или приводила компанию в дом, а Ариадна лазила по всем шкафам, примеряла все, что хотела, смотрела телевизор хоть до утра, пила вместо кефира фанту.

Безобразий в доме Марии Лавинской никогда не было. Гости ее хоть и много пили, но были такими же творческими, как и она, они горланили песни, читали стихи, бывало, спорили, но только на тему искусства. Если кто-то хотел предаться любви, то делал это в дальней комнате, и дверь запиралась на задвижку. Ари тоже не наглела. Не упивалась газировкой до диатеза, не включала эротические каналы, да и за взрослыми особо не подглядывала. Единственное, в чем она не знала меры, так это в примерке нарядов. У тетки их много скопилось. Она хранила самые любимые десятилетиями. Была пара платьев из фильма, сделавшего ее звездой. В нем Мария играла любовницу императорской особы. И там кружево, блески, перья, шлейф. Маленькая Ари рядилась в эти шикарные вещи и до утра кривлялась у зеркала, представляя, как когда-нибудь будет носить что-то подобное.

Но судьба распорядилась иначе. За неимением хоть какого-то артистического таланта Ариадне пришлось пойти учиться на экономиста. Замуж за принца или хотя бы богача тоже выйти не получилось. Поэтому в свои тридцать Ари работала в банке, носила юбку и белую блузку, была одинокой, жила с мамой, а все свободное время посвящала тетушке и ее трем собакам.

...Ариадна подошла к подъезду, достала ключ от домофона, но не успела его приложить, как затренькал мобильный. Тетушка, поняла она. Не виделись два дня, и Мария решила напомнить племяннице, кто ее госпожа.

– Алло.

– Ари, ты что себе позволяешь? – без приветствия начала тетка. Чуйка не подвела, это была именно она.

– Добрый вечер, Кока. – Она так называла Марию, ведь та была ее крестной.

– У меня давление второй день, а ты даже не позвонишь, не спросишь, как мое здоровье.

– Извини, я на работе зашиваюсь.

– И собаки не выгуляны. Хорошо бы я себя чувствовала, сама бы вывела, но у меня кружится голова.

– Сейчас поужинаю и приду к тебе. – Они жили недалеко друг от друга. Только тетка в шикарном доме, а ее сестра с дочкой в обычной девятиэтажке, втиснутой между сталинскими полудворцами в смутные времена стихийной застройки города.

– Ужин отдай врагу.

– Нет их у меня, – буркнула Ари.

– Зато жиры на талии имеются. Посиди на диете немного. И пей кефир, как тебе всегда велела мама. Мне, кстати, тоже купи по дороге. Кисленького хочется. – Послышался лай. Это гавкала дура Нюра, шпиц. Тетка назвала ее в честь давней соперницы. – Жду тебя через десять минут.

– Я не успею.

– Не брещи. Ты стоишь у подъезда. Вижу тебя в бинокль.

– Откуда он у тебя?

– Нашла на антресолях. От третьего мужа остался, навер-

ное. Он у меня военным был.

– Ладно, жди, – вздохнула она и потопала в направлении высотки со шпилем, увенчанном пятиконечной звездой.

В одном тетя была права: Ари с годами полнела. Всему виной, скорее всего, сидячая работа. Или любовь к сладкой газировке и чипсам? Учась в институте, Ариадна носила сорок шестой размер одежды, а теперь пятидесятый. Она не была толстой, скорее крупной, высокой, плотной, но с таким телом перед мужчиной без стеснения не разденешься. Так что хорошо, что у Ариадны его нет. Причем давно.

Она была замужем. Недолго, всего полгода. Выскочила по молодости за бывшего ученика тетки, ныне ведущего свадебных мероприятий. Ее тянуло к талантливым мужчинам, а этот был еще и хорош собой. Щегольски одевался, был всегда причесан, выбрит. Выглядел от силы на тридцать, а ему было ближе к сорока. Он годился Ари в отцы, но это тоже ее привлекало. Своего-то батю она толком не знала – он ушел из семьи, а вскоре переехал в Польшу. Но молодой-немолодой муж оказался инфантилом (кто б мог подумать!), гулякой и выпивохой. Решив обзавестись крепким тылом, он женился на порядочной девушке, молодой, скромной и бесконечно в него влюбленной, думал, она будет терпеть его похождения, но Ариадна, раскусив его, тут же подала на развод. Через пару лет с другим мужчиной съехалась. Он был прямой противоположностью ее певцу, мастер на все руки, и слесарь, и электрик, и плотник, не пьющий, не гулящий.

Выглядел, конечно, так себе, но Ари надеялась его привести в порядок. Думала, что он такой замарашка, потому что холостой. Она ему и вещи покупала, и стирала их, и напоминала, что нужно носки менять каждый день, а еще мыться. Но невозможно следить за взрослым человеком изо дня в день. Вот только разошлись они не из-за этого. Запил однажды ее мастер на все руки. Кодированным оказался.

С тех пор прошло три года. И все это время Ариадна была одна, пара коротких романов с парнями с сайта знакомств не в счет. Раньше, когда у нее была личная жизнь, тетка ее не часто дергала. Но тут еще одно сыграло роль: два года назад у нее случился инсульт. И хоть оправилась от него быстро, до сих пор «kozyряла» перенесенной болезнью. Никому о ней забыть не давала, ни родственникам, ни соседям, ни врачам поликлиники. Последним особенно! Все требовала бесплатных лекарств, обследований, путевок в санаторий. И всем ее обеспечили после выписки из больницы, и на реабилитацию отправили в хорошую здравницу, но Коке этого было мало. Она искусно изображала умирающую – актриса как-никак, да только обследования показывали, что с ее здоровьем все в порядке. Давление разве что высокое, но у кого в ее возрасте оно как у космонавта?

Купив по пути кефира, Ариадна подошла к подъезду. Открыла входную дверь своим магнитным ключом, поднялась на десятый этаж. Мария уже ждала ее у входа, как и собаки. Они обрадовались Ари. Все трое любили девушку. Но

особенно дура Нюра, эта вредина и пакостница. У хозяйки она кучу обуви перегрызла, но ни к одной паре Ариадны не притронулась. Ей же самой больше нравилась дворняжка Наташка, черно-белая, лохматая, бестолковая, но очень игривая и добрая. А верховодила ими старая терьериха Оля. Кока всем своим питомцам давала человеческие имена. Когда Ари звала их во дворе, случайные прохожие хихикали. Думали, что та своих дочек или племянниц кличет, а к ней собаки подбегают.

– Несвежий, – первое, что услышала Ариадна от Коки. Это она срок годности кефира посмотрела.

– Вчерашний.

– А сегодняшнего?..

– Не было сегодня привоза.

– Ладно, пойдем перекусим, потом девочек выведешь, – и повела ее в кухню.

Квартиру госпожи Лавинской Ари знала лучше хозяйки. Каждый уголок, каждый ящичек. Исследовала всю, когда была маленькой. А с тех пор в ней ничего не изменилось, кроме унитаза и смесителя, которые стали подтекать. Ремонт не делался лет сорок. Но при этом квартира выглядела достойно. А все потому, что отделана была на совесть, с применением заграничных материалов. Благо популярная актриса Лавинская могла достать их через своих влиятельных поклонников. В гостиной стены были декорированы набивным шелком, в ванной венецианской штукатуркой, а все рабочие по-

верхности кухни были гранитными. Паркет же дубовый, положенный при строительстве, нуждался только в уходе.

Они сели за стол. Кока достала стаканы, разлила по ним кефир. К нему подала постное печенье. Ари без энтузиазма принялась за ужин. Дома ее мама супом бы накормила или пюре с котлеткой да компота из сухофруктов налила сладенького, но Кока права, надо поберечь фигуру. Ей еще принца искать!

Поужинали быстро. Много ли нужно времени на то, чтобы выпить стакан кефира и съесть пару крекеров.

– Собак выведу, – сказала Ари. – Им уже не терпится.

На самом деле не терпелось ей! Домой хотелось. Там котлеты, которые можно съесть и без пюре или хлеба, а это, считай, диета, диванчик любименький, сериал. Ариадна после трудового дня хотела малого – тишины и покоя.

Пристегнув к ошейникам собак поводки, она вывела их.

Пока Наташка носилась, Нюра заигрывала с детворой, а Оля что-то выкапывала, Ари сидела на лавке, уткнувшись в телефон. Нужно хотя бы новости посмотреть, пока есть время. Собак еще не кормили ужином, и они никуда не убегут.

– Извините, это ваши питомцы? – услышала Ари мужской голос. Подняв глаза, увидела старика. Лохматого, бородатого, в засаленном костюме, но на бомжа не похожего. Разве что на чудика. – Не могли бы вы их придержать? Я боюсь собак.

Ариадна выполнила просьбу мужчины, и он прошел к

подъезду. Странный тип. Боится некрупных домашних собак. Плюс еще и выглядит комично. Костюм из восьмидесятых, фланелевая рубашка из девяностых (к ней полосатый галстук с переливом – шик нулевых), а в ухе современная гарнитура.

Когда через пятнадцать минут Ари вернулась в квартиру тетки, то с удивлением обнаружила там чудного старика. Он сидел в гостиной и пил кофе. Мария сварила его ради гостя. У нее имелся какой-то редкий сорт арабики, и только избранные удостоивались чести его попробовать. Ари его ни разу не предложили. Сама же Кока, как всякий гипертоник, не пила кофе вовсе.

Представлять деда племяннице Мария не стала, прикрыла дверь со словами:

– Девочки натопчут, помой им лапы.

Пока Ариадна делала это, госпожа Лавинская заканчивала разговор с гостем. На момент, когда девушка вышла из ванной, за ним закрылась дверь.

– Кто этот чудной старик? – полюбопытствовала она.

– Старик? Да он младше меня на два года!

– Внешне он годится тебе в отцы, – польстила тетке Ари. –

Так кто он?

– Давний друг.

– Он странный.

– Ученый, что ты хочешь? – хмыкнула Кока и, подхватив кофейную чашку, направилась в кухню. Шла она легко, даже

игриво, да и выглядела помолодевшей. Визит давнего друга явно пошел Марии на пользу.

– Как ты умудрилась познакомиться с ним? В твоём кругу была одна богема.

– Ты ничего обо мне не знаешь, деточка. Были времена, когда я вращалась среди представителей научного сообщества. Но с Эрнестом мы подружились в детстве. Я училась в одном классе с его старшим братом Сашей. И жили мы неподалеку.

– Он был влюблен в тебя?

– Естественно, – мелодично расхохоталась Мария. – И до сих пор, как я поняла, сохранил чувства ко мне. Эрнест однолюб. Он верен науке химии и мне.

– У вас что-то было?

– Нет, конечно. – Кока достала из шкафчика бутылку армянского коньяка и две тонконогие хрустальные стопочки. – Если не считать поцелуев в щеку.

– Выходит, у него никого не было?

– Ты про секс? – Она разлила «Арарат» по емкостям. – Свечку не держала, но уверена, что нет. Эрнест принял целибат, поняв, что я никогда не стану его.

– Почему ты о нем не рассказывала раньше?

– Честно? Подзабыла. У меня в те годы было столько поклонников... – Мария скинула шаль, которой задрапировалась ради гостя. Не могла предстать перед ним в обычном домашнем платье. – Давай, Ари, выпьем за любовь...

– У тебя же давление!

– Вот и нормализуем его. Наш главреж в московском мюзик-холле выпивал от тридцати до пятидесяти миллиграмм ежедневно. Но не больше! И дожил до девяноста лет. А он прошел войну, был дважды ранен.

И они выпили за любовь. Закусили теми же крекерами. Тогда как собаки поглощали говяжью вырезку, хоть она и выглядела как подсушенный козий помет.

– Зачем он пришел к тебе? После стольких лет? Или вы видите регулярно, просто я не в курсе?

– Мы не общались... уже и не помню, сколько времени. Больше десяти лет точно. Брат Эрнеста Александр учился со мной в одном классе. – Кока часто забывалась и повторяла одно и то же. – Я подружилась сначала с ним, потом уже с младшеньким. Мы долгие годы были близки. Субботины бывали на моих премьерах, а Эрнест даже на первой свадьбе присутствовал. Но судьба нас все-таки развела. И о том, что Александр умер, я узнала не от его брата. Птичка на хвосте принесла...

– Что с ним случилось?

– Рак сожрал. Вскоре и жена его скончалась. Остался сын, но того убили. Его и жену.

– Кошмар какой! За что?

– Из-за чего, – поправила ее Кока. – Конечно же, из-за денег. Сашка в бизнес из науки ушел, хорошо поднялся. Сын его смог еще больше раскрыться, и жена ему в этом помо-

гала. Заказали Субботиных. Ладно, пощадили их ребенка, мальчика девяти лет. Сейчас он уже взрослый и завтра приезжает к Эрнесту в гости.

– Откуда?

– Из Москвы. Парень там учится. По словам Эрнеста, он пошел в деда, и у него блестящий ум. – Мария налила еще коньяка. Чуть подумав, достала из навесного ящика коробку ассорти. Конфеты ей дарили на 8 Марта, но Кока до сих пор их ела. Сладкое, как и коньяк, она себе редко позволяла. – Завтра мы с тобой идем к Субботиным в гости.

– А я тут при чем?

– Кто-то должен меня сопровождать, это раз. – Она отсалютовала племяннице стопкой и опрокинула ее содержимое в себя. Конфеткой только занюхала. – Два: Паша очень перспективный молодой человек, а ты свободная женщина.

– Кока! – возмутилась Ари. – Мальчишка – студент, а мне пошел четвертый десяток.

– И что? Эрнест тоже младше меня...

– На два года? Это ерунда.

– Восемь лет тоже. А таких, как Паша, надо щенками разбирать.

– Все, сил у меня больше нет. – Ари грохнула стопку об стол. Ладно, не разбила. – Ты все чаще бредишь, и слушать тебя... – Она махнула рукой и пошла к выходу.

– Завтра в семь жду тебя.

– Не жди! – И выскочила за порог. Но сама же знала, что

как штык явится. Не для знакомства с породистым щенком Пашей, а чтобы сопроводить тетку в гости.

Глава 3

Она никогда не была в Энке. Да и вообще мало какие города за жизнь посетила...

Раз они ездили с отцом в тур по Европе. Посмотрели несколько столиц, но ни в одной не задержались дольше, чем на два дня. Галопом... По Европам. Если они ездили на море, то Средиземное, в Турцию, всегда в отель-дворец Белека. Еще Аня хорошо знала Питер, куда моталась с однокурсниками регулярно, иногда оттуда они отправлялись в Финку. Вот и все места, которые Аня посетила. Для москвички, дочери богатого папы, студентки престижного вуза – ерунда. Ее приятели летали на шопинг в Милан, на гонки в Абу-Даби, они катались на лыжах в Альпах, а на серфах в Индонезии. Что уж говорить о городах Российской Федерации? Захотели чак-чак – рванули в Казань, за янтарем – в Калининград, от пуза поесть мяса на углях, домашнего вина выпить – добро пожаловать в Махачкалу.

Отец был против таких поездок. Он трясся над Аней, и она все понимала. Он боится ее потерять. И не только физически. Эдуард Петрович Гараев растил порядочную девушку, цельную личность, умницу-разумницу и не простил бы себе, стань Аня легкомысленной, пустой, авантюрной... распутной, не дай бог! Поэтому никаких Амстердамов и Паттай. Как и общих финских бань. Приятели ходили в такие, а Аня

нет. Как-то из чувства протеста решила посетить гей-клуб, но не смогла даже порог переступить.

Родители девушки не состояли в браке. Жили вместе несколько лет. Эдуард по командировкам мотался, за квартирой кто-то должен был присматривать, пыль вытирать, цветы поливать. И он нанял девушку-мигрантку по рекомендации. Ей хорошо, жилье не снимать, и ему польза. Когда хозяин возвращался, та ему еще и готовила, стирала одежду, гладила. Ее звали Софьей. Русская беженка из Нагорного Карабаха. Была бы армянкой или азербайджанкой, ей бы помогли свои. Но полагаться Соне было не на кого. Она мыкалась по чужим домам, пока не попала к Эдуарду. Через полтора года он ее оставил у себя в качестве гражданской жены. Она забеременела, родила. Дочку Эдуард записал на себя, Софии с получением гражданства помог, но не женился на ней. Говорил, это всего лишь штамп в паспорте, который ничего не меняет. Может, поэтому Софья его бросила?

Аня плохо ее помнила. Больше свою нянюшку, бабу Мариам. А мать исчезла из жизни девочки, когда той исполнилось три. То есть бросила не только гражданского мужа, но и дочь. Аня никогда не ощущала на себе материнской любви. Уж это-то должно было запомниться? Но нет! Софья просто выполняла свои обязанности. Сначала домработницы, потом жены и матери. Когда поняла, что надоело, ушла. Куда? Неизвестно. Отец на каждый день рождения дочери вручал, кроме всего прочего, поздравительную открытку от...

мамы? Аня так думала, пока не поняла, что он пишет их за нее и отправляет из тех городов, в которых бывает по работе. По легенде же, Софья путешествует. Она то ли в Корпусе мира работает, то ли в Гринписе. В десять Аня попросила больше ей не врать.

А через два года умерла баба Мариам. И это была настоящая трагедия!

Она приходилась сестрой папиному дяде. Родилась и выросла в Осетии. Осталась старой девой, потому что ее жених погиб за два дня до свадьбы. Мариам решила хранить верность его памяти. Она не вышла замуж, хоть к ней и сватались. Но воспитала с десяток детей. Все это были отпрыски ее родственников. Эдуард, до того как Мариам переехала в Москву, видел ее всего раз. Он был из русско-татарской ветви семьи Гараевых. Но когда позвонил кавказский дядя и попросил помочь своей сестре с лечением, не отказал. Мариам требовалась сложная операция, Эдик встретил ее, поселил у себя, договорился с врачами и медсестрами. Пока родственница лечилась, от него сбежала жена. Мариам решила задержаться, чтобы помочь Эдуарду с малышкой. И осталась на девять лет. Она и прожила так много (врачи давали не больше года), потому что не могла бросить свою воспитанницу.

- Анечка, ты готова? – слышался голос папы.
- Да. Сейчас такси буду вызывать.
- Какие глупости! Я довезу тебя до вокзала.

– Пап, не беспокойся...

– О ком еще, если не о тебе? – Он зашел в комнату, лучезарно улыбаясь.

Отец Ани, несмотря на возраст, был очень интересным мужчиной. Старость будто не коснулась его! Он был поджар, спортивен, яркоглаз. Одевался актуально. Прекрасно пах. Улыбался в тридцать два (пусть и вставных) зуба. Седые брови подкрашивал, а остатки волос сбрасывал под ноль. Ему давали от силы пятьдесят.

Женщинам Эдуард нравился. Он был не только привлекательным и обеспеченным, но и галантным, воспитанным. От него были без ума и учительницы Ани, и матери ее одноклассников. А что уж говорить о прежних соседках, которым он помогал: кому люстру повесит, кого на дачу отвезет! Каждая была не прочь стать его дамой сердца. Но Эдуард остался холостяком. Всего себя он посвятил дочери. После смерти бабы Мариам сменил род деятельности, чтобы не оставлять Аню одну. Теперь Эдуард вел дела удаленно, через интернет. Занимался ценными бумагами, кажется. Но поскольку и раньше папа работал на иностранную компанию, и платили ему в валюте, то дефолты были ему не страшны. Более того, в 2008 году, когда доллар стал в два раза дороже, Гараевы поменяли свою хорошую квартиру на люксовую.

Сейчас они жили в двухэтажной с видом на Москву-реку.

– Так с кем, говоришь, ты едешь в Энск? – в который уже раз переспросил отец.

– С коллегами по работе. С Пашей и Ташей, – уверенно ответила Аня. Она научилась убедительно... не то чтобы врать... а скрывать некоторые вещи. Вуалировать их. Ташу папа знал. Она ему нравилась, серьезная, целеустремленная девочка. А Пашу Эдуард видел как-то с дочкой, и ей пришлось сказать, что он парень... Таши. Получается, что она научилась именно врать папочке?

– Я бывал там. Красивый город.

– Поэтому и едем. Хотим изучить локации, чтобы выбрать нужную для рекламного ролика. Сейчас в Энске много снимают, в том числе большого кино.

На самом деле ее поездка не была рабочей. Вчера Паша написал, что ему нужно срочно уехать в город, где он прожил треть жизни. Проведать брата деда. Захворал он, что ли? Не вспоминал о старике несколько лет, а тут вдруг сорвался. Значит, случилось что-то. Аня тут же предложила поехать с ним. Всего пара дней, подумаешь! И ехать на скоростном поезде три с половиной часа.

Она быстро придумала, что сказать отцу. Договорилась с Ташей (та и на работе отмажет, и перед родителем выгородит), билет заказала. Паша хотел сам ей купить, но Аня не стала рисковать. И правильно сделала!

– Можно взглянуть на твой электронный билет? – непридуманно спросил папа.

– Конечно. – И Аня показала скрин в телефоне. Отметила, что отец заострил внимание на том, с какой карты билет

оплачивался.

– Даже не бизнес-класс и так дорого?

– РЖД дерет нещадно с тех, кому нужно срочно выехать.

Я брала билет за сутки.

– Но тебе же возместят на работе?

– Конечно.

– А на расходы деньги имеются?

– Папуля, ты забываешь, что я отличный специалист с высокой зарплатой – Она чмокнула его в щеку. – Пойдем, а то опоздаем.

Он подхватил ее чемодан и направился к выходу. Аня, как не очень опытный путешественник, таскала с собой кучу вещей. И удивлялась той же Таше, которая, даже уезжая на две недели, брала с собой всего лишь рюкзак. И в нем было все! Она меняла одежду и обувь, укладывала волосы своим феном, стирала исподнее исключительно российским мылом «Летний сад» за двадцать пять рублей. И оно тоже было в ее рюкзаке. Бестолковая же Аня набирала кучу одежды и косметики, по возвращении ругала себя за это, но все равно в очередную поездку прихватывала пусть небольшой, но чемодан. И он всегда был битком!

До вокзала ехали долго. Все пробки собрали. Вот и хорошо, из-за этого папа не пошел провожать дочь до места. Она впорхнула в вагон, и поезд вскоре тронулся.

Паша сразу пересел к ней – у него было другое место.

– Мне уже не верится, что ты когда-то представишь меня

отцу, – вздохнул он тяжело. – Такой повод был.

– Мы же договорились, сразу после того, как ты защитишь диплом и уволишься из «Догмы».

– Разве это что-то поменяет? В клубе я трудоустроен официально, и при желании твой отец узнает об этом. А еще я... Извини уж, что напоминаю! Но я не помойный кот, Аня! Я из очень хорошей семьи. И сейчас мы едем в гости к моему опекуну-профессору.

– Это прекрасно. Субботины – интеллектуальная элита страны. И ты достойно представишь свой клан. Но не в ближайшее время. – Аня сложила руки в молитвенном жесте. – Пожалуйста, давай не будем сейчас об этом. Я вся в предвкушении нашего совместного отдыха, и так не хочется портить его...

– И что ты сказала отцу? – перебил ее Паша.

– Наврала, что еду с Ташей по работе. Так проще, понимаешь?

Он сокрушенно покачал головой.

О, если бы Паша знал, что отец считает его парнем Таши! Оскорбился бы. Но с этим Ане еще придется разбираться. Ей – не ему. Легко судить остальных, если ты сам ни перед кем не отчитываешься. А если б были живы родители Павла, что тогда? Не факт, что они приняли бы ее, выросшую без матери, слишком привязанную к отцу. Но это еще не все: в быту Аня была совершенно беспомощна. Она не знала, как включается стиральная машина, как варятся макароны, чем чи-

ститися сантехника. Про передачу показаний счетчика, коммунальные платежи лучше и не говорить. И какой толк от нее как от жены? Хозяйка никакая, любовница?.. Кто знает! Мать? Хорошо, если она пошла не в Софью, а в Эдуарда...

– Не грусти, малышка, – перешел на ласковый тон Паша. – Я больше не буду портить тебе настроение. В ближайшие дни точно. Я тоже хочу провести их с кайфом.

Аня обняла его, поцеловала. Она обожала своего Павлика. Поэтому так боялась все испортить.

Он был каким-то необыкновенным. Элитарным (тут она не кривила душой). Порядочный, цельный, умный, если не сказать гениальный, работающий, не высокомерный, веселый. Таких уже не осталось! Таша считала его не симпатичным. Называла очкастым торшером. А Ане и внешность его нравилась: высокий рост, немного нескладная фигура, дикие вьющиеся лохмы, которые, если вовремя не стричь, торчали в разные стороны и напоминали лианы.

– Где мы заночуем? – спросила она у Паши.

– У Эрнеста, скорее всего. В моей комнате. Но если что-то пойдет не так, снимем отель.

– Хочу в твоей комнате.

– Там, наверное, пять лет не убирали. С тех пор, как я уехал. – Он в очередной раз зевнул. Теперь забыв прикрыть рот рукой. – Не возражаешь, если я посплю? Всю ночь работал над дипломом...

И тут же засопел.

Аня положила его голову себе на плечо и достала-таки телефон. От отца было три сообщения.

Глава 4

Они явились на званый ужин с десятиминутным опозданием. Так пожелала госпожа Лавинская.

Эрнест Субботин жил в хорошей квартире, просторной, с удачной планировкой. Но пыль в ней лежала если не вековая (дом построили в семидесятых), то десятилетняя. Мебель была из тех же времен. Один из ее предметов хозяин разложил. Это был стол. Эрнест накрыл его белой, но с желтыми пятнами скатертью. Приборов наставил. Тут и богемское стекло, и фарфор немецкий, и серебряные пиалы в восточном стиле. Постарался!

– А где еда? – шепотом спросила у Коки Ариадна. Ничего съестного на столе не было, а в воздухе не витали ароматы.

– Доставка опаздывает, – так же тихо ответили ей. Но не Мария, а молодой человек, выросший за спиной. – Здравствуйте, меня зовут Павел, – представился он. – А вы, как я понимаю, Мария и Ариадна? Очень приятно.

– И нам, – расплылась в улыбке Кока, затем протянула парню руку, чтоб он ее облобызал. Но тот ее лишь пожал. Не были приучены современные ребята к целованию женских кистей.

Паша оказался приятным парнем, но очень молоденьким. Ари приняла бы его за первокурсника. Рядом с ним она сразу почувствовала себя старой. Нет, не нужны ей отношения с

юнцом. Разница в два-три года – это еще ничего. Но восемь – явный перебор!

Еще бы убедить в этом госпожу Лавинскую...

К счастью, в этом отпала надобность в следующую же секунду:

– Хочу представить вам мою невесту, Аню, – проговорил Паша и указал на вошедшую в комнату девушку. Она несла в руках поднос с фруктами.

– Невеста? – переспросила Кока. Не пожелала поверить своим ушам.

Он кивнул, и молодые люди обменялись нежными взглядами.

Тут зазвонил домофон.

– Доставка, – обрадовался Паша и побежал открывать. Аня же поставила фрукты на стол и села.

Не хозяйюшка, поняла Ари. А когда присмотрелась к ней, то поняла почему. Девушка выросла если не в роскоши, то в достатке. В ее ушах бриллианты, золотые часики, брючный костюм «Шанель», волосы не очень густые, но подстрижены так искусно, что кажется – на голове копна. И цвет такой интересный, в обычном салоне так не покрасят. В двадцать с небольшим на все это самостоятельно не заработаешь. Но даже если умудишься чудом озолотиться, не купишь себе «Шанель» и бриллианты. Не по возрасту! Значит, родители выбирали все. Или давали денег на покупки, а Аня приобретала то, что понравилось бы им. По мнению Ариадны, вы-

глядела девушка скучно. Но чего еще ожидать от человека, обожающего стразы и перья?

А Эрнест был все в той же одежде. Даже носки не поменял. Или у него все одинаковые?

– Машенька, ты что будешь, коньяк или шампанское? – обратился он к Коке. Остальных хозяин дома будто не замечал. – Есть и «Арарат», и «Новый Свет».

– Все еще помнишь мои пристрастия?

– Конечно. – И засуетился, забегал. В итоге притащил и то, и другое.

– Вообще я не пью, но от глотка шампанского не откажусь.

– Мы все не пьем, – подала голос Аня и взяла бутылку, чтобы рассмотреть. – Никогда не видела такого шампанского. «Новый Свет», надо же.

– Деточка, в наши времена такое могли себе позволить только сливки общества, – наставительно проговорила Мария Лавинская. – Партийные шишки, видные ученые, известные артисты...

– Вы артистка? – Кока с достоинством кивнула. – Я могла вас видеть в кино?

– Боюсь, вы сейчас такие не смотрите. Но да. Я не только выступала в театрах оперетты и мюзик-холлах, но и активно снималась в семидесятых-восьмидесятых.

– Машенька – звезда, – горячо воскликнул Эрнест. – Была ею и остается.

– До сих пор снимаетесь? – с искренним интересом спро-

сила Аня.

– Мое время ушло, увы.

– Да вы что! Наоборот, сейчас так мало по-настоящему талантливых возрастных актрис. А вы еще и поете. И красавица какая! Да по вам будут с ума сходить мужчины от сорока до бесконечности, а женщины брать пример...

И госпожа Лавинская поплыла. Еще три минуты назад она смотрела на Аню с легкой неприязнью (увела парня у племянницы, сама того не ведая), а тут просияла.

– Обычно мне завидовали, – хихикнула Мария.

– Коллеги женского пола, естественно. Но зрительницы, я уверена, хотели быть на вас похожими.

– А вы правы, милочка. После премьеры одного из моих фильмов многие подстриглись под Лавинскую.

– А вот и еда прибыла! – послышался бодрый голос Паши. – С пылу с жару. Сейчас выложу из коробок и приду.

Аня не подумала ему помочь, но Ариадна этому не удивилась. Принцессам не положено! От профессора и актрисы тоже толку мало. Они обсуждали кудряшки Марии, которые якобы накрутили все женщины Страны Советов после выхода фильма. Эрнест еще и шампанское откупоривал при этом. В кухню отправилась одна Ари.

– Давай помогу, – предложила она.

– О, это будет чудесно. Тут столько всего, и я не знаю, куда что выложить. – Они заказали и плов, и салаты, и шампиньоны на гриле, и пиццу трех видов. Еще какие-то десерты

ягодные.

– На столе куча тарелок.

– Да, но как-то некрасиво нести еду в коробках и пластике. Посуды и в ящике навесном полно.

Ари открыла дверки и достала несколько больших тарелок. Они были плохо промыты, и она принялась оттирать с них застывший жир.

– Ты слышал о моей тетке, Марии Лавинской, до этого? – спросила она у Паши.

– Да. У Эрнеста в комнате стены увешаны плакатами с ее фото. Я спрашивал, кто эта женщина, он отвечал. И все три фильма, в которых твоя тетя снималась, мне показывал. Были еще концертные записи, но я отказывался смотреть их.

– А я даже и не знала, что у Коки есть такой давний друг. Он непризнанный гений, так?

– Не совсем. – Паша взял из ее рук тарелку и стал ее протирать. И делал это споро. Невесте б у него поучиться. – Эрнест сам не хочет признания. В девяностые, когда открылись границы, он мог бы уехать в Америку, например. Его звали. И продолжали это делать еще с десяток лет. Но Эрнест остался не только в России, но и в своем НИИ. До сих пор работает, хоть уже можно на пенсию уйти.

– А ты бы уехал?

– Куда? – Он выложил в блюдо плов.

– В Америку или другую страну... Если б позвали?

– Конечно. А ты нет?

Ариадна покачала головой.

– Почему?

– Где родился, там и пригодился.

– Какие глупости! Мы – дети Земли, а она огромна. Можем найти себя в любом ее уголке...

– Ни разу за границей не был? – сразу поняла Ари, но вопросительную интонацию оставила.

– Пока не довелось. А ты?

– Отдыхала в Черногории и Вьетнаме. Но это не опыт. Жить и работать в другой стране – это иное.

Паша спорить не стал. Хоть и собирался. Глядя на его надутые губки, Ари думала о том, что она никогда себе мужика не найдет. С ними не нужно спорить. Даже если несут ахинею, улыбайся и кивай. А потом, если это твой, попытайся направить его мысли в нужном направлении.

– Меня просто не позовут никогда за рубеж, – примирительно проговорила Ариадна. – Как специалиста. Я банковский служащий с восьмилетним стажем. Меня трудно переучить.

– А если замуж? – сразу расслабился Паша.

– Хоть на край света! – рассмеялась Ари. Весь вечер впереди, надо источать позитив.

Невеста Паши прискакала тут же. Услышала хохот и примчалась. Подхватила два блюда с едой и понесла их в комнату. Молодец, что тут скажешь! За нее все сделали, она только на стол поставила. Заработала плюсики, еще и жениха про-

верила, не заигрывает ли с новой знакомой.

Ари хмыкнула про себя. К ней ревнуют? Это прекрасно! Значит, еще не все потеряно.

Через пять минут все приступили к ужину. Начали с шампанского – сделали по паре символических глотков. Когда вилки застучали по тарелкам, в дверь позвонили.

– Я открою, – сказал Паша и встал из-за стола.

– Ты кого-то ждешь? – спросила у хозяина Мария. Тот покачал своей кудлатой головой. У Эрнеста имелись залысины, но, если бы он стригся коротко, это не бросалось бы в глаза. Да и выглядел бы он моложе. Лицо почти без морщин, глаза живые и зубы все на месте. Пусть желтоватые, но свои.

– Кто там, Паша? – крикнул Эрнест.

– Гости... К тебе.

И ввел в комнату двоих мужчин. Одному в районе шестидесяти пяти, второму лет тридцать семь. Первый был мал ростом, сух, второй высок и статен. Они были разными, но Ари почему-то сразу поняла: это близкие родственники.

– Гурам? – удивился Эрнест.

– Гурам? – просто поразились Мария.

– Привет, друзья, – улыбнулся в бороду пожилой. У него были буйные седые кудри, монобровь, огромные уши, гигантский нос. Внешность гротескная, но не отталкивающая. Спутник же его имел пусть крупные, но правильные черты лица, прямые русые волосы, а на бритом подбородке у него была ямочка. – Знакомьтесь с моим сыном Марком.

– Я Паша, внук...

– Александра, брата Эрнеста, – закончил за него Гурам. –

Вы похожи.

– Правда?

– Неуловимо, но да.

– Как вы с сыном? – не сдержалась Ари.

– В точку! Мы разные, но одинаковые. – Мужчина, чуть подтянувшись на носках, приобнял Марка за плечи. – И это не объяснишь.

– С каких пор ты не находишь слов, Гурамчик? – промурлыкала Мария. Неужто и этот мужчина был когда-то в плену ее чар?

– Машенька, в твоём присутствии я, как всегда, теряю дар речи, – ответил ей Гурам и, сделав два шага, склонился, чтобы поцеловать руку. – Ты не меняешься, все такая же ослепительная красавица.

– Не знал, что ты в городе, – проговорил Эрнест, встав из-за стола, чтобы подать гостям стулья. – В Москву давно перебрался и застрял там.

– Сегодня приехал.

– И мы, – встрепенулась Аня. – Вы на «Ласточке»?

– Нет, на машине. Домчались за шесть часов. Марк отлично водит. А я так и не получил права.

Гости уселись за стол. Им подали тарелки, благо их было много. Предложили выпить.

– Я бую коньяк, – сказал Гурам. А Марк пожелал компо-

та.

– Извините, у нас только кола, – вздохнула Аня.

– А мы не с пустыми руками. Паша, где там наш пакет?

Тот притащил из прихожей матерчатую сумку, по-современному – шоппер. В ней чего только не было! Кроме компота, какие-то мудреные кавказские закуски, зелень, шашлыки из различного мяса. И бутылочка домашнего вина.

– Родственники прислали, – сообщил Гурам. – Дамы, попробуйте, очень хорошее вино.

– Из Армении? – поинтересовалась Ариадна.

– Из Калифорнии. Там отличный виноград вызревает.

От вина не отказались не только дамы. Паша тоже пожелал продегустировать американо-армянское вино. Не пили только Эрнест и Марк. Последний сидел рядом с Ари. От него дивно пахло. Но не одеколоном или лосьоном после бритья, а детским шампунем. Волосы после него были мягкими и блестящими. Ариадна едва сдерживалась, чтобы не провести по ним рукой.

– Марк, а вы чем занимаетесь? – любопытствовала Ари. Она так близко придвинулась к сыну Гурама, что нужно было о чем-то спросить.

– У меня небольшой бизнес. Печатаю меню, рекламные буклеты, визитки. В общем, я человек приземленный в отличие от отца.

– А он у вас...?

– Драматург, писатель, поэт. В детстве и юности у него

было прозвище Лирик.

Его фразу услышала Кока и воскликнула:

– А у Эрнеста – Химик. – Она отсалоутовала тому фужером с красным вином. – У его брата Саши сорвалось с языка, так эти прозвища к ребятам и прилипли.

– Физика, случайно, в вашей компании не было? – спросил Паша.

– Физрук, скорее, – ответила Мария, и ее друзья рассмеялись. – Семен Забродин. Спортивный, активный. Он защищал этих двоих...

– Да, если б не Сема, били бы нас гораздо чаще, – кивнул головой Гурам.

– Ты мне о нем не рассказывал, – заметил его сын.

– Он меня очень обидел когда-то, и я решил о нем забыть.

– Как и все мы, – вздохнула мигом погрустневшая Мария.

– Так он был Физиком или Физруком? – не отставал от стариков Павел. Он почему-то очень разволновался, когда речь зашла о Семене.

– И так, и эдак его называли.

– Это в юности, – поправил его Эрнест. – Но Сеня запретил называть себя Физруком сразу после армии. Ему не нравилось это прозвище.

– Как он сейчас поживает, не знаете?

– Мы лет тридцать не виделись.

– Если не больше. – Гурам налил себе еще коньяка. – Даже не знаю, жив ли он.

– Слышал, что умер, – подал голос Эрнест.

– От кого? – полюбопытствовала Мария. Профессор пожал плечами. – Я всегда знала, что он уйдет первым из нас.

– Почему? Сеня был самым сильным, уверенным, жизне-способным.

– Только на первый взгляд. Бедовые мужчины долго не живут. Но не будем о грустном.

И она принялась вспоминать какой-то забавный эпизод из их молодости. Делала это Мария блестяще, актриса как-никак, и слушать ее было интересно не только старикам. Молодежь была вся внимание. А невеста Павла так каждое слово и эмоцию ловила. Ариадна же была поглощена Марком. Только за ним и следила. Вот был бы подарок судьбы, окажись он свободным. Но вряд ли! Не может ей так повезти, чтоб жених был ей доставлен высшими силами вот так запросто. Пусть с задержкой, но лично в руки. Ариадна уже в свое женское счастье слабо верила, но когда разрешала себе помечтать, даже в воображении за него ей приходилось бороться. Ехать, например, в глухую деревню или в тюрьму. Сидя на сайте, она знакомилась с разными мужчинами. Но сразу отметала зэков и тех, кто жил в области. Не потому, что недостойны. На общение с ними много времени уйдет, которого нет. Лучше скорее встретиться, чтобы понять, может что-то получиться или нет. Но что, если она не права? И за счастье нужно побороться?

– Ариадна, у меня что-то на лице? – услышала она голос

Марка.

– А?

– Вы смотрите как-то странно.

– Да, у вас в уголке рта укроп, – соврала она.

Марк тщательно вытер губы салфеткой.

– Все?

Она кивнула и отвернулась. Стыд-то какой! Пялится на мужика так, что он даже на развеселом рассказе Коки не может сосредоточиться.

Ари решила перенаправить энергию и принялась поедать острые баклажаны в томатной заливке. Чтоб никто не подумал, что она намерена сегодня целоваться.

«А как давно я это делала в последний раз?» – тут же подумала Ари. Стала вспоминать. Оказалось, что в этом году еще ни разу не сливалась с мужчиной губами. Чмокалась только с женщинами и... собаками женского пола. Тетины питомицы зацеловывали Ари при каждой встрече.

– Как считаете, этот вечер воспоминаний сколько продлится? – обратился к ней Марк.

– Обычно тетя ложится в десять. Но сегодня ее бенефис. Так что... – Ари развела руками. Давно она в таком ударе Коку не видела.

– Отец сказал, что мы на часок. Но уже прошло полтора. Я умираю, хочу спать.

– А мне завтра к девяти на работу.

– Тогда давайте в половине десятого начнем всем наме-

кать на то, что пора расходиться?

– Поддерживаю.

– Если что, я вас развезу.

Ари это устроило. И через четверть часа, когда Кока решила попудрить носик в ванной, она нагнала ее и сказала:

– Надо закругляться.

– Детское время еще, – запротестовала Кока.

– Половина десятого. Эрнесту, как и мне, завтра на работу. Гурам и Марк устали с дороги. Пощади ты нас.

– Если тебе скучно, езжай.

– Но я же твой сопровождающий.

– Тебе на работу, я понимаю, – и принялась наводить ма-
рафет. Не только поудрить нос, но и брови подрисовывать, гу-
бы перекрашивать. Начесывать челку.

– Мне нравится Марк, – шепнула Коке на ухо Ариадна.
Не дай бог кто-то, кроме нее, услышит. – И если мы вместе
соберемся, он нас отвезет.

– Так бы сразу и сказала. – Она убрала косметику в пар-
човую сумочку. – Ты не у меня остаешься?

– Нет, я домой.

– Тогда я приглашу в гости Анечку. Она выразила желание
посмотреть фото и наряды со съемок.

– Она от тебя без ума! – это была не лесть, а констатация
факта.

– Как и многие, – самодовольно хмыкнула Мария. Ей так
не хватало внимания поклонников! Из-за его отсутствия она

и зачала. Сегодня же воспряла и ни разу не вспомнила о своем инсульте.

Глава 5

Он собрал всю грязную посуду и отнес в кухню. Странно, конечно, что в этом Паше никто не помогал, ни двоюродный дед, ни невеста. И ладно Аня... Она уехала в гости к госпоже Лавинской, которой очаровалась, но Эрнест мог бы подсобить. Ведь это он устроил званый ужин! И он остался дома, только в комнату к себе ушел.

Паша уже забыл, каким беспомощным был в быту двоюродный дед. Мог не мыть посуду, а лишь ополаскивать, белье постельное не стирать месяц-два, столько же не чинить сломавшийся бачок унитаза, а смывать из ковшика. Когда они жили вместе, парню приходилось брать на себя домашние хлопоты. Он не привык жить в грязи: и в родном доме, и в интернате царил порядок. У Эрнеста же даже рабочее место оставляло желать лучшего. Но при этом он умудрялся отлично ориентироваться в хаосе, который сам сотворил. Господствовал над ним, как гений? Возможно. Но разве можно бросить остатки еды на столе? Они же протухнут! А Эрнест ненавидел дурные запахи. Ему очень повезло, он сам не пах. Может, поэтому пренебрегал гигиеной? Одежда лоснилась, белье постельное, носки стояли, волосы торчали, но... Эрнест не смердел. Еще он мог питаться всякой дрянью, черствым хлебом, незрелыми яблоками, пшеном на воде, но если блюдо чуть пахивало (а это «чуть» он унюхивал сразу), то

все, помойка.

Включив воду, Паша начал мыть посуду. Не «Ферри» или «Пемолуксом», а жидкостью без ароматизаторов из бутылки из-под минералки. Эрнест сам изготавливал все бытовые средства. Жаль, нечасто применял. Насколько помнил Паша, они отмывали до блеска все без исключения.

– Прости, что не помогал, – услышал он голос Эрнеста. – Я немного выпал из реальности.

– Можешь протереть посуду?

– Зачем? Сама высохнет.

– Разводы останутся.

– Плевать. Пойдем, что покажу.

Паша оставил в раковине залитые средством фужеры и стопки. Но тарелки выложил на полотенце. Стекут хотя бы.

– Ты много спрашивал о нас: о Физике, Химике и Лирике, – сказал Эрнест, введя парня в свою комнату. – Хочу показать тебе фотографии.

На кровати, над которой висели выгоревшие плакаты с изображением Марии Лавинской, лежал небольшой альбом, обтянутый плюшем. Такого Паша еще не видел. Семейный только. Где родители Саши и Эрнеста одни и с ребяташками. Строгая мама, разбитной, любящий застолья папа. Как эти двое сошлись? И как умудрились родить двух гениальных детей? Елена Гофман, чистокровная немка, работала в автопарке диспетчером, Глеб Субботин водителем, позже – начальником гаража. Простые работяги. Мама начитанная,

а папа смекалистый, но и только. Мальчишки же родились один умнее другого.

– Это нам по одиннадцать, – сказал Эрнест, раскрыв альбом. На каждой странице было по одному фото. – Я только перевелся в школу, где учились Семен с Гурамом. Узнаешь меня?

– Ты был красавчиком, – поразился Паша. На фоне друзей Эрнест выделялся, один был кошмарно подстриженным пацаном с подбитым глазом, второй походил на обезьяну. Возраст Гураму явно пошел на пользу.

– Не таким, как твой дед, но да. Я был симпатичным мальчиком. Но ты глянь на Машу! – И перевернул страницу. Лавинская стояла, раскинув руки, позировала, а парни сидели на корточках. – Она как богиня.

Паша спорить не стал. Но на него Мария не произвела впечатления. Ни юная, ни старая.

– Это нас отец Гурама заснял, – рассмеялся Эрнест. – За приготовлением пиротехники. Решили в Новый год устроить настоящий салют, как в Москве на 9 мая.

– Получилось?

– Не так, как хотели, но веселый переполох подняли.

– Забавные вы такие, в пальто с меховыми воротничками.

А вам тут уже лет по пятнадцать.

– Все так одевались. Только Гурам пижонил. Бабочки носил, шарфики. Шляпу таскал одно лето. Хотел казаться выше и лицо от солнца закрывал, чтоб белее было. Потом ока-

залось, что она не мужская. У бабушки стянул. Пижонил Гурам, да. Только у него на пальто был каракулевый воротник. В те времена фотографировались редко, – продолжил Эрнест. – Поэтому у меня не больше десятка снимков. Тут нам уже по семнадцать. Выпускной.

Как ребята изменились! Семен расцвел. Высокий, спортивный, волосы красиво лежат, а усики придают солидности. Эрнест тощий, сутулый, косматый. Гурам все так же похож на... нет, не на обезьяну, на представителя какого-то отсталого африканского племени.

– Это дипломный спектакль Машеньки, – прокомментировал следующий снимок дед. – Главная роль ей не досталась, но она и второстепенную сыграла прекрасно. Мы поймали за кулисами фотографа, он нас запечатлел!

Паша листал альбом, наблюдая за тем, как друзья взрослеют. В те годы фотографии делались, как правильно заметил дед, не часто, поэтому с каждой страницей они становились старше на два-три года. На последнем снимке всем было лет по тридцать. Физик, Химик и Лирик стояли на фоне Доски почета, на которой висел портрет профессора Эрнеста Глебовича Субботина.

– Это сделано в твоём НИИ? – поразился Паша. Он знал – Эрнест больше нигде не работал.

– Да. Юбилей института праздновали. Тридцать лет. Было разрешено приглашать гостей.

– А Мария?

– Тоже была. Но она тогда была на пике и не смогла даже минуты выкроить, чтобы с нами сфотографироваться. И уехала рано, чтобы попасть еще на одну встречу с поклонниками своего таланта.

– Физик такой солидный, – заметил Паша. – Кем он работал?

Эрнест не ответил. В этом не было ничего удивительного, опекун Паши многие вопросы пропускал мимо ушей.

– Из-за чего вы поругались?

Снова игнор.

– Эрнест, поговори со мной. – Он тронул деда за руку, хоть знал, что он избегает прикосновений. – Я приехал ради этого.

– Зачем ворошить прошлое? Какой в этом толк? Тем более... – Он вырвал руку и спрятал ее в карман пиджака. – Это мое прошлое. Ты к нему не имеешь никакого отношения...

– А мой дед Александр?

– Тоже.

– Тогда почему позавчера ко мне вломился ваш Физик? Проник в запертую квартиру, даже не повредив замок?

Эрнест был поражен. И из-за этого не находил слов? Но опять отмалчивался.

– Что я должен унаследовать, Эрнест? От кого? Это не связано с деньгами отца. Значит, с тобой? Больше у меня никого...

Дед вскочил, хотел убежать в свою комнату, но Паша пре-

градил ему дорогу.

– Физик прислал меня к тебе. Сказал, что я в опасности.

Так ответь мне хоть на один вопрос...

– Дай мне прийти в себя, – взмолился Эрнест. – Я сейчас в шоке, разве не видишь? Думал, все позади, но нет...

– Что позади? – продолжил напирать Павел.

– Думаешь, почему я сразу не забрал тебя из детского дома?

– Не хотел себя обременять заботой о ребенке, – пожал плечами Паша.

– Естественно. Мне свои дети никогда не были нужны, зачем чужие? Но ты внук моего брата. И единственный близкий родственник. Мой долг заботиться о тебе.

– И ты выполнил его, пусть и спустя два года. Долго раскачивался. Но совесть замучила, и ты меня забрал.

– Я сделал это сразу после того, как уверился в том, что ты не пострадаешь, находясь рядом со мной.

– Ничего не понял из этих общих фраз.

– Говорил же, дай мне прийти в себя. Я ученый и не порю горячку. Надо выстроить все факты, проанализировать, а потом... – Он резко замолчал, насупился. – А ты уверен, что к тебе вломился Физик?

– Он так назвался.

– А выглядел как?

– Спрятался в тени. Я не увидел ни лица, ни фигуры.

– Может, это и не он? Официально Сеня мертв уже две-

надцать лет. Но он мог и подстроить свою кончину. – Эрнест уже разговаривал не с Пашей – с самим собой.

Тут зазвонил телефон. Не мобильный – городской, двоюродный дед не отказался от него. Он висел там же, где всегда, на стене в прихожей. Эрнест снял трубку.

– Субботин, слушаю, – он всегда это говорил вместо «да» или «алло».

Разговор продлился меньше минуты. Паша не понял, кто звонит, потому что Эрнест бросил в трубку пару слов и несколько междометий. Повесив ее, обратился к Паше:

– Дай мне полчаса. Я все проанализирую и дам ответы на твои вопросы. Но мне надо побыть одному. Не мог бы ты сходить погулять?

– Хорошо.

– А лучше съезди за Таней.

– За кем?

– За девушкой твоей.

– Она Аня!

– Да, точно. Кстати, мне она понравилась. Приятная. – Эрнест хотел поскорее от Павла избавиться, чтобы остаться одному. – Так что, поедешь? Нехорошо девушке среди ночи по незнакомому городу в одиночку мотаться. Таксистами сейчас кто только не работает...

– Убедил, уезжаю.

Он взял телефон, кошелек, надел толстовку и покинул квартиру.

Поскольку Паша хорошо знал город, то решил добратся до дома Марии Лавинской своим ходом. Пехом до метро минут пятнадцать, столько же ехать до нужной станции. Так он и деньги сэкономит, и посмотрит, изменилась ли подземка. Выходя из двора, вспомнил, что забыл взять внешний аккумулятор. Зарядки в телефоне оставалось меньше десяти процентов, ее могло не хватить. Паша задумался, вернуться ему или лишний раз не беспокоить Эрнеста? Приостановился, обернулся...

Увидел пожилого мужчину у подъезда. Высокого, плечистого, с коротко стриженными седыми волосами и усами-щетками. Одет он был в камуфляжный костюм с капюшоном. На миг Паше показалось, что это Физик. Если он жив, то выглядит сейчас примерно вот так. Но тут к мужчине подбежала девочка лет пяти с криком: «Деда!» Он подхватил ее на руки, закружил.

– Померещилось, – пробормотал Паша и тряхнул головой. Не нужно себя раньше времени накручивать. Через час-полтора Эрнест все прояснит.

Решив не возвращаться за аккумулятором, Паша зашагал к метро.

Глава 6

Аня напилась!

Намешала шампанское с вином, и ей стало плохо. Когда Паша приехал, она обнимала унитаз. Госпожа Лавинская ей не мешала, она готовила антипохмелин.

– Анти... чего? – переспросил Паша.

– Напиток, спасающий от похмелья. Скольким моим коллегам он помог! Меня тоже когда-то спасал. Давно не пользовалась, но рецепт я не забыла. – Она колдовала над графином с водой, в который добавляла какие-то сыпучие ингредиенты. – Его разработал твой двоюродный дед, между прочим.

– Для кого? Он же не пьет.

– Для Гурама. У того был тяжелый период. Впрочем, как и у меня. Творческие люди очень в этом смысле уязвимы.

– Вас не удивило то, что Гурам вот так после стольких лет объявился?

– Все мы доживаем свой век. Болеем. Быть может, он боится уйти, не простившись с лучшими друзьями?

– Думаете, он при смерти?

– Необязательно. Но и этого исключать не стоит. Еще мы, пожилые, часто оглядываемся назад, потому что впереди нет ничего интересного. Мы хотим вернуться туда, где были счастливы. И к тем, кто был в тот период с нами. Сегодня я

поняла, что жалею не о том, что моя карьера рухнула. Хуже то, что я потеряла друзей.

– Это произошло в одно и то же время?

– Примерно.

– И что послужило причиной вашей ссоры?

– Не хочу вспоминать, – отмахнулась Мария. Старики сегодня сговорились, что ли? – Твою невесту уже не рвет. Пора давать ей антипохмелин.

– Вы перелейте мне его в бутылочку, пожалуйста.

– Не стоит ее сейчас кантовать. Давай уложим ее, а как проспится, я отправлю ее к тебе.

– Не хочется вас напрягать.

– А невесту в таком состоянии в такси заталкивать, чтоб ее еще замутило? Эрнесту в неприглядном виде показывать?

– Да, вы правы. Но мне как-то неудобно...

– Неудобно трусы через голову надевать, – проворчала Мария. – Отнеси девушку в дальнюю комнату, раздень. Я принесу ночную рубашку, питье и на всякий случай тазик.

Паша так и сделал. Аня не сопротивлялась. Когда он зашел в туалет, она спала возле унитаза, свернувшись калачиком в своем костюме «Шанель».

Вдвоем с госпожой Лавинской они позаботились об Ане. Переодели, напоили, уложили. Этому мешали собаки, но Мария быстро выгнала их из комнаты. Мировой теткой оказалась! Переставая играть звезду, она становилась простой, доброй. Интересно, Эрнест с Гурамом в нее такую влю-

бились или все же в актрису, когда она была в образе?

– Физрук тоже был вашим поклонником? – не сдержал любопытства Паша. Он был сопровожден в прихожую. Обувался и вызывал такси, используя два процента зарядки.

– Иногда мне казалось, что да. Но Сеня умел скрывать чувства. Он был прирожденным шпионом.

– Физик работал в разведке?

– Он окончил высшую школу КГБ и работал (или правильно говорить, служил?) в комитете. В том числе за рубежом. Больше мне ничего о нем не известно. Мы еще в прошлом веке друг друга потеряли.

Телефон сделал пилим-пилим. Это приложение сообщило о том, что машина подъехала.

– Спокойной ночи, Мария. Рад был с вами познакомиться.

– Взаимно.

И распахнула перед ним дверь, чтобы поскорее выпроводить.

До дома Эрнеста ехал сорок минут. Своим ходом быстрее добрался бы. Он и обратно бы на метро поехал, да оно закрылось. Не как в Москве работало, а до нуля часов.

Паша подошел к подъездной двери, нажал на кнопки домофона. Сигнал пошел, но замок не открылся. Парень повторил попытку. Опять ничего. Ключи он не взял, рассчитывая на то, что Эрнест его впустит. Уснул, что ли? Паша вышел из-под козырька, посмотрел на окна. Свет горит. Эрнест при свете не мог уснуть даже усталый. Как и уйти, его

не погасив. Это первое время Павла удивляло. В тапочках по рассеянности квартиру покинуть – это пожалуйста. Разные носки натянуть (пацан все выкинул и подарил ему на юбилей упаковку одинаковых темно-серых). Вместо кефира взять с собой подсолнечное мало... Но свет, компьютер, газ Эрнест выключал всегда. Не забывал мобильный телефон. Имел при себе блокнот и пишущую ручку, даже когда у него появился планшет. Его пока включишь, мысль уйдет, сказал как-то Эрнест. И Паша понял его. Все, что связано с рабочим процессом, важно. В том числе газ. В лабораториях на горелках что только не синтезируют. От электричества тоже много нужных приборов работает. За всем этим следить нужно. И Эрнест так привык к этому в НИИ, что на автомате продолжал делать это и дома.

Кроме дедовых окон горели еще те, что этажом выше. Раньше в той квартире жила большая и очень дружная семья Панфиловых. Сближала их любовь к горячительным напиткам. Два поколения, отцы и дети, любили покутить, а третье, внуки, хулиганить, пока за ними нет пригляда. Панфиловы алкашами не были, веселыми пьяницами скорее. Все работали, не дрались, не дебоширили. Песни пели, танцевали, травили анекдоты. Из-за них порой весь подъезд не спал. Многие ругаться ходили, участковому жаловались. А Субботины купили шумопоглощающие наушники и жили спокойно. Эрнест не любил конфликтов, а Паше очень нравилась эта развеселая семейка, особенно внучка Полинка.

Нашел наушники и надел, чтоб лучше думалось, решил он, вспомнив о них.

После этого позвонил соседям. И сразу услышал: «Доставка?»

– Нет. Я хотел бы попросить вас открыть дверь. Ключи забыл.

– А вы из какой квартиры? – подозрительно спросила девушка.

– Из той, что под вами.

– В ней живет пожилой человек, а ваш голос...

– Я его внук, Павел. А вы, случаем, не Поинка?

– Нет тут таких, – буркнула она, но замок все же открыла.

Паша зашел в подъезд. Поднявшись на нужный этаж, увидел на лестнице, ведущей наверх, девушку. Она была симпатичной, но как будто сердитой.

– Это вы мне открыли? – спросил у нее Паша.

– Я. И вышла проверить, не обманываете ли вы меня.

– Вы почему такая подозрительная?

– Позавчера ночью ко мне кто-то в дверь ломился. Пытался замок открыть. Я подбежала, в глазок глянула, а его пальцем закрыли. Я кричать начала, что вызываю полицию...

– И взломщик смылся?

– Пока я бегала за телефоном и газовым баллончиком, исчез.

– Может, кто-то просто ошибся квартирой?

– А как же глазок? – не дала сбить себя с толку девушка.

– Человек был пьян, привалился головой к двери, например. – Паша подергал ручку. Заперто. Что неудивительно.

– Вчера же я обнаружила, что на моем балконе кто-то побывал, – продолжила соседка. – Он не застекленный.

– И что там было не так? – Паша достал телефон, чтобы позвонить Эрнесту на мобильный, не услышит, так хоть увидит, как засветился экран, но его аппарат разрядился.

– Передвинута табуретка. Веревка, на которой белье сушится, снята с гвоздика. А голубиное дерьмо с перил стерто.

– Может, пернатые вернулись, чтобы прибрать за собой? – решил пошутить Паша.

– Не смешно, – насупилась соседка, и ее лицо снова стало сердитым, а не обеспокоенным, как до этого.

– Вызвали бы полицию.

– Чтоб они тоже надо мной поржали? – И зашагала вверх.

– Постойте, – окликнул ее Паша. – Простите, если обидел. Но мне нужна ваша помощь. Дайте, пожалуйста, телефон, мой разрядился.

Она приостановилась, но и только.

– Дед не открывает. А он, как вы заметили, пожилой человек. Вдруг что-то случилось?

– В 112 звонить будете? Только кого вам пришлют? Полиция не станет дверь ломать. Медики подавно.

И только в этот момент Паша испугался. Он осознал, что с Эрнестом на самом деле могло что-то случиться. Он так нервничал этим вечером, что его мог удар хватить!

– Вы не из семьи Панфиловых? – спросил он. Потом снова позвонил и постучал.

– Нет. А что?

– У них когда-то хранились запасные ключи от этой квартиры. Замок все тот же...

– Квартиру давно продали и сделали в ней ремонт. Я снимаю.

– Слесаря тогда нужно вызывать. Я в лифте видел телефон.

– Ночь на дворе. Он даже если трубку возьмет, собирать-ся будет сто лет. А если вопрос жизни и смерти, то нужно принимать быстрое решение.

– И какое, не подскажете?

– Ломайте сами.

– Чем?

– Сейчас посмотрю у себя какой-нибудь инструмент. Может, топор есть?

– Металлическую дверь топором?

Но она уже бросилась вверх по ступенькам.

Непоследовательная девушка. Еще пять минут назад в подъезд пускать не хотела, а теперь готова выдать топор незнакомцу, чтоб тот выломал дверь.

Едва она скрылась из виду, как из квартиры послышался шум. Что-то упало.

Но не тело. Предмет мебели.

– Эрнест, открой! – закричал Паша и начал колотить в

дверь. Из-за соседней пролаяли:

– Если не перестанешь шуметь, милицию вызову!

– Валяй, – огрызнулся в ответ он и продолжил стучать.

Дверь открылась.

На пороге возник двоюродный дед.

– Я чуть с ума не сошел, Эрнест! – воскликнул Паша. – Думал, случилось что... Уже дверь ломать хотел!

Тот молчал. И не двигался. Только тут Паша заметил, как странно тот выглядит. Стоит ровно (и это сутулый с детства профессор Субботин), смотрит пустыми, немигающими глазами, будто не понимает, кто перед ним. Лицо белое-белое, но на лбу вздулась синяя вена.

– Тебе плохо? – прошептал Паша.

Эрнест не ответил. И не посторонился, чтобы впустить парня. Но его глаза изменились. Они выкатились, белки будто потрескались, и их испещрили красные линии. Казалось, они сейчас лопнут. Зрелище было настолько жутким, что казалось нереальным. Не действительность, а фильм ужасов...

Но, несмотря на это, в глазах Эрнеста мелькнула искра. Он начал понимать, что происходит. Он видел через кровавую пелену.

По его лицу побежали слезы. Спина снова сгорбилась. Колени подогнулись...

Эрнест начал падать вперед. Паша подхватил его. Удержал с трудом. Профессор хоть и был худым, но весил кило семьдесят пять, не меньше. Да еще его тело будто закамене-

ло.

– Я знаю, кто меня убил, – просипел Эрнест и сделал выдох.

Из его рта хлынула кровь. Глаза вновь стали пустыми. Тело обмякло.

Паша не смог удержать его, и они с Эрнестом рухнули на пол.

Глава 7

Стол в зале оставался раздвинутым. На нем все еще лежала скатерть в застарелых желтых и свежих разноцветных пятнах, стояли неиспользованные приборы, салфетница. За него прибывший на вызов следователь усадил Павла, чтобы допросить.

– Вы сказали, что вашего родственника убили, – начал он. – Почему вы так решили?

– Разве своей смертью так умирают?

– Как – так?

– Да вы видели покойника? У него кровь изо рта хлынула.

– При циррозе печени такое случается. Капилляры же в глазах лопаются при кровоизлиянии. Но вы позвонили в 112 и сказали: «Убит человек!» Затем представились и назвали адрес.

Да, все верно! Паша, набрав службу спасения с сотового Эрнеста, именно это и выпалил.

– Так что скажете? – продолжил наседать следователь. Фамилия у него была смешная – Улыбкин. Такую бы клоуну, а не офицеру полиции.

Паша сам не понимал, почему решил скрывать от следствия предсмертные слова Эрнеста...

Я знаю, кто меня убил!

– В НИИ, где работал мой дед (я его так называю, хоть он

и двоюродный), каждый год проводился обязательный медосмотр, – начал выкручиваться Паша. – А специалисты уровня профессора Субботина проходили и диспансеризацию. У него было прекрасное здоровье.

– То есть вы просто предположили, что вашего родственника убили?

– Ну да. А разве естественной смертью ТАК умирают? Вы просто не видели, что с ним происходило. Эрнест будто изнутри взорвался.

– Успокойтесь, пожалуйста.

– Я в порядке.

– Нет. У вас дергается рот.

Паша вскочил со стула и подбежал к зеркальной дверке шкафа. Улыбкин не обманул. Уголок рта действительно то опускался, то взлетал вверх. Паша нажал на него, но это не помогло.

– Со мной такого давно не происходило, – всхлипнул он. – Почти пятнадцать лет...

Тут и глаз начал дрожать.

Следователь не на шутку перепугался и закричал:

– Михалыч, беги сюда!

В зал ввалился пузатый мужик в резиновых перчатках.

– Смотри, как парня колбасит! Чего делать?

– Это пройдет, сейчас пройдет, – забормотал Паша и, схватив покрывало, накрылся с головой.

– Я криминалист, а не медик, – слышался голос Миха-

лыча. – У меня нет при себе успокоительного.

– Тогда хотя бы на кухне валерьянку поищи.

Больше голосов Паша не слышал, они потонули в гуле. В его голове как будто запустились лопасти маленького, но мощного самолета. Оставалось ждать, когда он взлетит...

К действительности Паша вернулся через несколько секунд. Он, естественно, не засекал время. Просто знал, сколько длятся его панические атаки.

– Эх, и напугал ты нас, парень, – донесся до него голос следователя. Открыв глаза, Паша увидел его и Михалыча. Лица у мужчин были более чем обеспокоенными.

– Простите. Я не думал, что такое снова случится. Они, как я думал, ушли.

– Они?

– Панические атаки, – подсказал криминалист. – У моей жены бывают. Она чуть не утонула в детстве и теперь даже в бассейне плавает с кругом.

– А что с тобой произошло, парень? – участливо спросил Улыбкин.

– Моих родителей убили, когда мне было девять. Я проснулся, пошел на кухню, чтобы молока попить, а они там, все в крови... Мама еще дышала. Она умерла на моих глазах. Я убежал к себе, накрылся с головой одеялом и пролежал так до утра. Трупы обнаружила горничная.

– Тяжко тебе пришлось.

– Да, – не стал спорить Паша. – Но не мне одному, так

ведь? Трагедии случаются постоянно.

– Сходи, умойся. Ты весь мокрый.

Паша кивнул и направился к ванной, как зазвонил городской телефон. Машинально он снял трубку.

– Эрнест, доброй ночи, не разбудил, надеюсь? – послышалось в трубке.

– Кто это?

– Паша, ты?

– Да.

– Это Гурам. Я у вас шарф забыл кашемировый. Забрать хотел бы завтра. Мы отбываем в Москву где-то в час. Спроси у Эрнеста, когда можно заехать?

– Его нет.

– Шарфа? Не может быть. Я его повесил в прихожей на крюк. Фисташковый, фирмы «Хермес».

– Эрнеста нет, он умер.

– Да ты чего? Мы два часа назад виделись... Он был жив-здоров...

Паша повесил трубку и пошел умыться.

Когда вернулся из ванной, услышал галдеж. Это начали собираться любопытные соседи и обсуждать событие – труп Эрнеста, запакованный в черный мешок, вывозили в подъезд на каталке. Среди них оказалась уже знакомая девушка из квартиры Панфиловых. Паша поманил ее.

– Вас как зовут? – спросил у нее Паша.

– Галя. Он все же умер, да? А как вы попали внутрь?

– Сначала открыл дверь, потом умер. Есть подозрение, не без чьей-то помощи. Вам нужно дать показания.

– Какие? – Она напряглась. – Я ничего не видела.

– Вы рассказывали мне о том, как вашу дверь пытались вскрыть...

– Это Ленька, внук мой, – услышав его реплику, взяла слово женщина в махровом халате, на котором по-английски было написано: «Ненавижу понедельники». А карманы украшали пистолет и кинжал. – Он с Полинкой Панфиловой жил. Но она его бросила, а он запил. И как налижется, прется туда, где был счастлив. Предыдущие жильцы знали, уже внимания не обращали.

– А балкон? – шепнул Гале на ухо Паша, после чего втащил ее в квартиру.

– В вашей квартире сейчас он отперт? – так же тихо спросила она.

– Нет. – Госпожа Лавинская боялась сквозняков и сразу велела закрыть не только балконную дверь, но и форточку в комнате, где они сидели. – Но сказать все равно надо. Пусть отпечатки снимут. Любая мелочь может пригодиться следствию.

– Ладно, – пожала плечами Галя.

– Товарищ следователь, – прокричал Паша. – Тут свидетельница есть.

Улыбкин поднял глаза, он что-то писал, шевеля губами.

– Девушка живет в квартире сверху. Говорит, на ее бал-

коне был кто-то посторонний.

– Сегодня? – оживился Улыбкин.

– Нет. И я не уверена, что был... Но будто вещи по-другому расставлены. Вербка для сушки белья сорвана. – Про голубиное дерьмо она упоминать не стала.

– Может, ветер? Позавчера такой был, что незакрепленные урны сносил.

– Все же отреагировать на это заявление вы обязаны, – сурово проговорил Паша.

– Конечно. Сейчас криминалист тут закончит и к вам, де-вушка, поднимется.

Галя кивнула и удалилась.

– Еще Эрнесту кто-то звонил за пару минут до моего ухода. Проверите?

– Конечно. Все звонки. И на мобильный, и на городской.

Паша сел, обхватил голову руками. Волосы были влажными, потому что он подставлял макушку под струю воды. Это помогало.

– Опять накрыло? – забеспокоился Улыбкин.

– Нет, в порядке. Просто очень устал и не знаю, что делать. Родителей кто-то хоронил, не я. А сейчас мне этим заниматься.

– В первую очередь позвони завтра в НИИ. Профком (или кто там сейчас занимается подобными вопросами) поможет. А сейчас топай в кабинет деда, осматривай стол и полки.

– На предмет?

– Может, пропало что?

– Даже если так, я не знаю. Пять лет тут не был.

– Вот тут лежат деньги, – следователь указал на супницу, стоящую в стенке. – Двенадцать тысяч рублей под крышкой. Они лежат, понимаешь? Их не украли. Еще под вазой зеленая купюра. Профессор настолько наплевательски к деньгам относился? Или были суммы, которыми он дорожил?

– По-моему, нет. Он мог годами не снимать суммы с вкладов. И если деньги обесценивались, Эрнест даже не расстраивался.

– Ценности в доме были?

Какие-то да! И он, Паша, должен их унаследовать! Поди знай, что это...

– Короче, иди, осматривай квартиру, – подытожил Улыбкин. – А то мотива нет.

Паша поплелся в кабинет, начал выдвигать ящики

– А это кто? – спросил собирающий покинуть квартиру Михалыч. И кивнул на афишу, с которой улыбалась Мария Лавинская. Эрнест афишу в рамку заключил и повесил над своим столом. – Эта дамочка здесь повсюду.

– Любовь профессора Субботина.

– В артистку втюрился? Бывает.

– Да. Но они знакомы с детства. Она местная, Мария Лавинская, звезда оперетты. Может, слышали?

– Не-а. Но хороша, чертовка.

Михалыч удалился. А Паша сменил дислокацию: переме-

стился в спальню Эрнеста. На кровати все еще лежал альбом с фотографиями, которые они вместе рассматривали три часа назад. Пусть это будет последним воспоминанием, связанным с Эрнестом. Не то, где он харкает кровью... Это!

– Поплачь, – услышал Паша голос следователя. Он не заметил, как тот подошел. И как у самого слезы покатались по лицу.

Улыбкин присел рядом, похлопал по плечу.

– Мы уезжаем. Может, тебя подбросить куда? – Паша мотнул головой и вытер влажное лицо рукавом толстовки. – Останешься тут? – Он кивнул. Альбом сложил и прижал к груди.

– Не страшно?

– Странно, нет.

– После того, что тебе пришлось пережить в детстве?

– Может, именно поэтому? Я провел несколько часов в доме, где остывали трупы моих родителей. А сейчас я тут один.

– К соседке сверху поднимись. У нее останься. Она девка нормальная, и квартира у нее большая.

– Нет, я лягу тут. На кровати Эрнеста.

Паша опустился на подушку. В одежде, с фотоальбомом в руках.

– Захлопните дверь, хорошо? Так устал...

И мгновенно уснул.

Часть вторая

Прошлое

Глава 1

Сначала их было двое – Физик и Лирик. Мальчишки жили в одной коммуналке и учились в параллельных классах. Первого звали Сеней, второго Гурамом. Сеня родился в Энске, а Гурам переехал из Армении в возрасте шести лет. Худой, смуглый, губастый пацан с копной смоляных кудрей был тут же прозван Папуасом. Над ним издевалась соседская детвора. И не только белобрысая, конопатая, светлоглазая. Цыганята тоже дразнили. Они пусть внешне и не особо отличались от Гурама, но были бойкими, драчливыми, а Папуас – тихим, воспитанным, всегда аккуратно одетым. Он не гонял в футбол, не лазил по подвалам, не стрелял из рогатки... Он читал! Выходил во двор с книжкой и усаживался на скамейку под окнами квартиры. Из них за ним приглядывала бабушка и гоняла местное хулиганье.

Гурам сначала плохо говорил по-русски, но вскоре научился. Овладел языком лучше детей аборигенов. Думал, к нему станут добрее, а не нет.

Сеня верховодил местной шпаной. Бывало, подтрунивал над Гурамом, но беззлобно. Отец, который работал боцманом на барже, наказал никогда не обижать тех, кто физически слабее. И девочек, даже если они вдвое крупнее. Он был хорошим мужиком, правильным, жаль, пил много и из-за этого погиб – выпал за борт и утонул.

...То был предпоследний день лета. Послезавтра в школу, первый раз в первый класс. Сеня категорически не желал учиться, потому что не умел ни читать, ни считать, ни даже писать свое имя. Не до глупостей ему! Он был командиром в игре «казаки-разбойники» и прогулял все подготовительные занятия. Поэтому решил сбежать к бабушке в область и поселиться в ее сарае. Авось не сразу найдут и в этом случае отдадут в школу на следующий год. Он собрал мешок с едой и водой, сел на свой раздрызганный велик и отправился в путь. Цепь слетела метров через триста. Сеня принялся с нею возиться, когда увидел Гурама и цыганенка Ваську. Последний бил Папуаса ногами. А тот вместо того, чтобы дать сдачи, прижимал что-то к своей груди и бормотал:

– Не трогай его, не трогай...

Его... Не меня!

И тут Сеня увидел, что Гурам держит котенка. У того на белой мордочке было красное пятно. Кровавое, судя по всему. Во дворе поговаривали, что Васька живодер, но никто не видел, как он мучает животных. Папуас, судя по всему, увидел. И встал на защиту котейки.

– Ах ты гнида! – вскричал Сеня и кинулся на Ваську. – Над беззащитными издеваешься?

Васька был старше на два года, выше на голову. И он не боялся дошколенка. Но когда увидел в его руке цепь от велика, умчался прочь.

– Он бил его камнем, – шептал Гурам, а по его смуглому

лицу катились слезы. – Хотел голову размозжить...

– И ты кинулся спасать?

– А что мне оставалось?

– Пройти мимо, чтобы не получить самому. Смотри, у тебя ноги в синяках и ссадинах! – Гурам носил отглаженные шортики, чем тоже бесил дворовую ребятню.

– Заживут. Зато Снежок жив. – И расцеловал котенка.

– Васька мог бы и тебя... камнем!

Гурам пожал плечами. Узкими, костлявыми. А на покрытые гематомами ножки-палочки даже внимания не обратил. Тогда Сеня и понял, что Папуас настоящий пацан. И предложил ему свою дружбу.

Снежка они, естественно, не бросили. Он стал еще одним жильцом коммуналки. Его взял к себе Сеня, потому что Гураму не разрешили, они и так вчетвером жили в одной комнате. Васька пытался свести счеты с Папуасом, но теперь за него вступились несколько мальчишек. Друг Сени – их друг.

Гурам, естественно, с отличием окончил первый класс. Его портрет повесили на доску почета. Но и Сеня на второй год не остался. Пусть на тройки, но вытянул. Спасибо Гураму, помогал с домашкой. Сеня же, в свою очередь, приобщил друга к футболу. А дворовых ребят отучил обзывать Папуасом. И тот стал Лириком. Но только к пятому классу. Именно тогда в их компании появился еще один пацан, Химик.

Он носил чудное имя Эрнест и обычную фамилию – Субботин. Мать, немка, дала имя, фамилия досталась от отца

– русского. Мальчика перевели в их школу из другой, потому что в их был очень сильный педагог-химик, а Эрнест был увлечен этой наукой. В пятом классе ее еще не преподавали, но учитель позволял посещать талантливому мальчику не только занятия со старшеклассниками, но и свой кружок-лабораторию.

Эрнест был очень странным. Он блестяще учился, но гуманитарные предметы давались ему лишь потому, что он обладал феноменальной памятью. К примеру, учебник по истории Древнего Египта он прочел за сутки, запомнил все, даже картинки, и мог ответить на любой вопрос учителя. Диктанты писал без единой пометки. А вот сочинения ему не давались совсем. Как и рисование. На любых творческих конкурсах он сидел в стороне. Но тут Гурам блистал! Он не только великолепно читал стихи, но и писал их. А еще рассказы, и два из них напечатали в «Пионерской правде».

Сене же было не до школы. Он занимался в разных спортивных секциях. Не одновременно – по очереди. В одну запишется, та ему надоеет, он в другую пойдет. И самбо обучался, и в волейбол с хоккеем, но по году, не больше. Для спорта дисциплина нужна, а Семен был разгильдяем.

Эрнест сам подошел к нему на перемене. Отвел в сторонку и попросил помощи. Сеня думал, защита тому нужна, чушкуют чудика наверняка, но тот, как оказалось, сам мог за себя постоять. Естественно, благодаря уму, а не физической силе. Подкидывал в карманы и портфели обидчи-

ков мини-бомбочки. Особенно хорошо у него вонючки получались.

– Мне нравится одна девочка, – смущенно проговорил Эрнест.

– Поздравляю, – хохотнул Сеня, а про себя подивился, не думал, что этот чудик на девочек внимание обращает. – И чего ты от меня хочешь?

– Пристань к ней, а я ее от тебя защищу. – Сеня расхохотался. С ним даже восьмиклассники не связывались. – Я в журнале видел несколько зарисовок приемов самообороны, смогу их симитировать.

– Чего?

– Ну, сделать вид, что дерусь. Ты поддашься и упадешь. А Маша меня, как своего рыцаря, вознаградит своим вниманием.

– Ой, и чудно вы с Гурамом говорите, – вздохнул Сеня. – Только я девочек не обижаю.

– Тебе всего лишь нужно сделать вид...

– Нет.

– Я буду за тебя все контрольные делать.

– Есть у меня уже помощник.

– Жаль.

Эрнест очень расстроился, поник. Он и так был сутулым, а тут просто в горбуна превратился. Но лицо у него было симпатичным. На общих фото он выходил лучше остальных мальчишек: правильные черты, большие карие глаза, волни-

стые темные волосы, красиво очерченный рот. Когда закончилась начальная школа, классы перестроили, и Сеня с Гурамом стали учиться в одном. Там же Эрнест. Так вот на общем фото Физик и Лирик были как два уродца. Один белобрысый, с вечными болячками на лице и ужасной челкой, второй с огромным носом, африканскими губами, вокруг которых пробивается щетина. По симпатичности Химик выигрывал. Но женщины, даже маленькие, больше любят хулиганов или поэтов (последних меньше, естественно).

– Что за девчонка? – не сдержал любопытства Сеня.

– Маша.

– Имя я слышал. У нас их много. Только в нашем классе две.

– Она из другой школы. Той, где я раньше учился.

– Красивая?

– Очень. И талантливая. Она поет, как соловей. На всех городских конкурсах побеждает.

– Значит, ее должен знать Гурам.

– Наверное. Но мне он ничем не поможет. Победа над ним не сделает меня героем.

– Да что ты все о драках?

– Все примерные девочки любят хулиганов.

– Точно, – самодовольно улыбнулся Сеня. Гурам рассказывал, что половина их поэтического кружка, а это четыре представительницы слабого пола, неровно дышали именно к нему, хулигану. – Ладно, давай сходим к той школе, где

учится эта Маша, и посмотрим, что можно сделать.

На следующий день они туда отправились втроем. Сели на скамейку возле крыльца и стали ждать.

– Вот она, – выдохнул Эрнест, и глаза его засверкали. Сам он при этом скукожился до размера куклы.

По ступенькам сбегала... взрослая девушка! Красивая, да, но ей было лет пятнадцать.

– Она ж старая, – разочарованно протянул Сеня.

– Ровесница моего брата.

– Ей тринадцать? Выглядит старше. И она на тебя не посмотрит, даже если ты спасешь ее от толпы бандитов.

Маша тем временем спустилась с крыльца и увидела Эрнеста. Узнала, улыбнулась и пошла в его сторону. Химик сжался еще больше, опустил глаза и будто захотел испариться.

– Привет, Эрнест, – поздоровалась с ним Маша. – Ты чего тут?

Тот попытался ответить, но выдал лишь набор звуков.

– Брата ждешь?

– Да, – ответил за него Сеня.

– Он только через час освободится. У нас сегодня шесть уроков. Меня отпустили пораньше на репетицию.

Она лучезарно всем улыбнулась, чирикнула: «Пока, мальчишки!», крутанулась на маленьких каблучках и ушла... Или улетела? Крылышки на ее школьном фартуке взлетали так, будто она бабочка, стремящаяся к цветку.

И тут произошло удивительное событие! Гурам вскочил и бросился следом. Он нагнал Машу, заговорил с ней, и они, болтая, продолжили путь.

Оставшиеся на лавке пацаны переглянулись. Сеня был ошарашен, а Эрнест взбешен.

– Он хочет увести у меня Машу?

– Да нужны вы ей, малолетки, – фыркнул Сеня.

Он был прав, к Гураму и Эрнесту Маша относилась, как к детишкам. У нее были поклонники не только из старших классов, но даже с первого курса театрального училища. Она с ними занималась в студии, и многие ребята были без ума от Маши Лавинской. Под ее чары только Семен не попал. Не видел он в девушке ничего особенного. Она даже красивой ему перестала казаться. Присмотревшись к ней, Сеня поняла, что черты у Машки мелкие, зубки кривоватые, а волосы только кажутся густыми. Были бы прямыми, висели бы сосульками, но они вились, и каштановые кудряшки очень Маше шли. Как и веснушки на вздернутом носике.

Повзрослев, Сеня понял, что не внешностью Маша брала. Она была легкой, веселой, музыкальной, грациозной. Умела себя правильно подать, ко всем найти подход, посмотреть, улыбнуться по-особенному. А как заливисто хохотала! И стреляла смешинками из глаз... Как пулями... На поражение...

В тот же день, когда Гурам ушел вслед за Машей, Сеня познакомился со старшим братом Эрнеста Александром. Он

поразил пацана своей адекватностью. Оказывается, не все умники-разумники странные. Сашка не только был вундеркиндом и уже на следующий год, в неполные пятнадцать, намеревался поступить в университет. Он еще и в волейбол играл, и под гитару пел. Правда, на это времени не хватало, Сашу постоянно отправляли на олимпиады, и он объехал половину Советского Союза. Внешне от младшенького он тоже отличался, был широкоплечим, довольно рослым блондином. Неудивительно, что Маша именно ему отдавала предпочтение. Она и с Эрнестом общалась лишь для того, чтобы быть ближе к его старшему брату. Но Химик этого не понимал. Его влюбленность в Машу была слепой и отчаянной. Когда ему не удалось договориться с Сеней, он нашел другого хулигана. И попытался защитить от него даму своего сердца. Но огреб по полной! Маше еще пришлось его отбивать, а потом синяки бодягой мазать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.